

**ПРАГМАТИЗАЦИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МОДАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ –
ОДНА ИЗ ЛИНИЙ ИХ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

*Статья анализирует эволюционные изменения в сфере модальных компонентов на примере грамматических конструкций с *verba cognoscendi* от древневерхненемецкого периода к современному состоянию языка. Семантическая тавтологичность соединений предикатов-когнитивов и эпистемических модальных компонентов трактуется как первопричина их качественных диахронических изменений в процессе грамматикализации – десемантизации и приобретения ими экспрессивно-прагматических функций.*

PRAGMATISATION OF EPISTEMIC MODAL COMPONENTS AS ONE OF THE LINES OF THEIR DIACHRONIC EVOLUTION IN GERMAN

The article analyses the evolutionary change of modal components by the example of grammatical constructions with verba cognoscendi from Old High German to contemporary German. Semantic tautology of the combinations of cognitive predicates with epistemic modal components is interpreted as the major cause of quality diachronic changes in the process of grammaticalisation such as desemantisation and acquisition of expressive pragmatic functions.

Исходной теоретической базой выделения обсуждаемых ниже модальных компонентов (МК) послужило антропоцентрическое истолкование модальности как авторизованной коммуникативной категории, языковые формы воплощения которой являются «эго-проекциями» когнитивных установок, эмоциональных переживаний и волевых устремлений говорящего человека в дискурс-текст. Средства эпистемической модальности, как известно, разноплановы и сосредоточены в языке на выражении когнитивных установок знания и мнения говорящего лица¹.

Разноструктурные МК с эпистемическим значением, представленные краткими корневыми (wahr), производными (wahrlich, gewiß) словоформами, и функционально подобными им предложно-субстантивными словосочетаниями (in der Wahrheit, ohne Zweifel) наиболее широкая по количественному составу, частотная по использованию в речи и коммуникативно значимая в отношении передаваемого речевого смысла лексико-синтаксическая подсистема эпистемических модальных средств во все периоды исторического развития немецкого языка. Вопрос о наличии модальных элементов данного грамматического типа уже на самых ранних, письменно зафиксированных этапах существования немецкого языка – в диалектах древневерхненемецкого периода, линии их эволюционного развития в немецком языке пока не привлекали к себе должного внимания германистов. Сведения о лексико-синтаксических средствах модальности в

диахронических исследованиях по грамматике и синтаксису немецкого языка до сих пор носят характер случайных попутных замечаний и не содержат системных обобщений относительно их текстового применения². Однако такие данные могут иметь существенное значение как в общетеоретическом, так и в практическом плане при обсуждении процессов изменения языковых форм в языке, а также для более полного понимания их положения в строе современного языка.

Применение МК в тексте, их семантико-синтаксические отношения с другими составляющими и функциональная нагрузка в речевых образованиях обусловлена в целом тройкого рода факторами, соотношенными с денотативно-смысловым, коммуникативно-прагматическим и формально-структурным аспектами высказывания. Все отмеченные аспекты так или иначе спроецированы на функциональное «поведение» МК, а выдвижение одного из них по ходу развертывания речевого высказывания на передний план способно модифицировать роль МК в целом, как бы «перетягивать» его на свою сторону или индуцировать многоплановость его функций. Поэтому эпистемические МК в рамках одного синхронного среза могут выступать в разном грамматическом качестве, а их функциональная вариативность определяться разноплановыми контекстуально-речевыми факторами. Среди прочего, грамматические свойства того или иного элемента могут напрямую зависеть от структурно-семантического типа целостной конструк-

ции или от лексико-семантического взаимодействия входящих в грамматическую конструкцию компонентов; в последнем случае — особенно от семантики глагольного предиката, задающего своей глубинной валентностью сеть сопряженных с ним компонентов.

Так, в составе предложений с *verba cognoscendi* в качестве предикатов, обозначающих разнообразные мыслительные действия людей, МК при них как бы дублируют присущее им эпистемическое значение и приобретают вследствие этого экспрессивно-выделительную функцию. Представленный ниже текстовый материал из древневерхненемецких источников, иллюстрирующий схематично обрисованный процесс семантических преобразований эпистемических МК в составе грамматических конструкций с *verba cognoscendi*, подтверждает универсальный лингвистический тезис о взаимопроникновении и взаимообусловленности грамматического и лексического в речевых образованиях, о «подвижности смысловой структуры слова в зависимости от его грамматической роли в предложении»³. Этот тезис подразумевает, кроме того, необходимость обращения к лексическому и формально-грамматическому составу целостной синтаксической конструкции при вынесении решения о функциональной нагрузке ее составляющих.

Эпистемические модально-оценочные компоненты, представленные в древневерхненемецких текстах в основном лексемами *wiv* и *giwisso* (истинно, действительно, конечно), а также предложно-субстантивными сочетаниями с ними, обнаруживают в своем синтаксическом применении однонаправленную смысловую связь с когнитивами — предикатами предложения и выступают в специфическом для данного периода качественном своеобразии, совмещая денотативную функцию обозначения модусов знания и мнения и служебную выделительную функцию. Такие функционально «гибридные» МК

были выявлены во всех анализируемых древневерхненемецких письменных памятниках.

В трактате «Древневерхненемецкий Исидор» (около 800 г., южнорейнскофранкский диалект) в составе предложений с предикатами, выраженными *verba cognoscendi*, главным образом употребляется лексема *chiuuisso*. Круг самих когнитивов отражает самые разные аспекты мыслительных операций и достаточно разнообразен, имея в виду относительно небольшой объем этого древнего текста: *meinan* (“meinen”, “im Sinne haben”, “sagen”, “mitteilen”); *wizzan* (“wissen”, “kennen”, “verstehen”); *chioffanôn* (“erklären”, “offenbaren”, “zeigen”); *arkennen* (“verstehen”, “wahrnehmen”, “erfahren”) и некоторые другие. Например:

(1) *Chiuuisso chioffanodom* uuir nu hear dhazs unser druhtin nerrendo christ after dheru fleischihhun chiburdi iu uuardh chiboran (Is., 484: 53) — Мы **ясно обнаруживаем** здесь, что наш Спаситель-Христос для нас был рожден во плоти⁴; (2) *Zi uuizssanne ist* nu uns *chiuuisso*, dhazs fater einemu ist dhurahchunt, huueo ir sunu chibar... (Is., 120:15). — Нам следует **знать точно**, что одному Отцу известно, как он породил Сына; (3) *In dheohe ist chiuuisso zi firstandanne framchumpt* ... (Is., 562: 61) — Под бедром **ясно следует понимать** плоть.

В двух последних предложениях *chiuuisso* семантически устремлено к предикативной части составного глагольно-именного сказуемого, образованного сочетанием связочного глагола *son* и именной склоняемой формы инфинитива (герундий) в падежном разряде датива с предлогом *zi*. Для данной синтаксической конструкции характерна грамматическая семантика побуждения, аналогичная построениям *sein + zu + Infinitiv* в современном немецком языке. Именно коммуникативная устремленность предложений (2), (3) на побуждение адресата создает тот нетипичный для эпистемических МК контекст, в котором актуализируются их мо-

дально-оценочные и одновременно акцентурующие потенции, проецирующие в текст контакт говорящего (субъекта речи) и собеседника. Кроме того, катализатором сопутствующего значения уверенности/убежденности у *chiuuisso* в сочетании с формой герундия от глагола *wizzan* является содержательный тавтологический повтор – *chiuuisso zi uuizssanne*, служащий целям подчеркивания эпистемической семантики глагольной формы. В денотативном плане МК *chiuuisso* при таком буквальном тавтологическом повторе семантически избыточно, частично десемантизируется и выполняет в составе конструкции экспрессивно-выделительную функцию.

Также и в переводе на восточнофранкский диалект «Евангельской гармонии» Тациана (около 830 г.) эпистемические МК во многих речевых контекстах оказывается подключенными к коммуникативно-прагматическому аспекту высказывания. Они участвуют в рематизации компонентов предложения, в выделении их смысловой значимости в контексте сообщения и в выражении категоричности высказывания в целом. В последнем случае они весьма часто фигурируют в составе сложных синтаксических построений, эволюционировавших впоследствии в современные сложноподчиненные предложения ирреального условия. Например: (4) *Thaz gisehenti thie Fariseus thien thara ladôta quad sus in imo selbemo: oba thesêr uuâri uuîzago, her uuessi iz giuuesso uuiolîh inti uuelîh uuîb thaz uuas, thi u inan ruorit; uuanta sîu suntig ist* (Т., 138, 7:261 = Л., 7,39). – Увидев это фарисей, пригласивший его, подумал про себя: 'Если бы он был пророк, то, *конечно же*, он *знал бы*, кто и какая женщина прикасается к нему, ибо она грешная'. Ср. на последующих синхронных срезах: (4а) ...er sprach zuo im sagent: Ob dirr wer ein weyssag. *Ernstlich* er wist welh vnd wie gethan das weip ist die in rurt (Mentel, 233); (4б) ...sprach er bey sich selbs, vnd saget. Wenn dieser ein Prophet were, *so wüiste* er, wer vnd welch ein Weib das ist, die jn

anrüret (Luth., 73); (4в) ...sprach er bei sich selbst und sagte: Wenn dieser ein Prophet wäre, *so wüßte* er, wer und was für eine Frau das ist, die ihn anrührt (Nhd., 80).

По своему денотативному значению *giuuesso* в таких синтаксических образованиях оказывается элементом, в функциональном отношении противоположно направленным потенциально-предположительному грамматическому значению претеритальных форм конъюнктива. Именно оно определяет общую семантику всей конструкции, нейтрализует в известной мере значение предположительности, создаваемое функциональным взаимодействием разноплановых факторов: грамматическим значением претеритальных форм конъюнктива, семантикой союза, смысловым соотношением частей синтаксического комплекса.

В тексте Библии Менделя этой лексеме регулярно соответствует МК *ernstlich*, выражавшее эпистемическую установку уверенного знания (мнения) говорящего относительно обозначаемой в предложении предметной ситуации. Ко второй половине ранненовонемецкого периода завершается в целом формирование данной сложной синтаксической структуры: ранее многозначные союзы – древневерхненемецкий *oba* в Тациане и *want* в Библии Менделя – замещаются специализированным на выражении условных отношений союзом *wenn*, становится фиксированным порядок слов в элементарных предложениях, составляющих сложноподчиненный комплекс, типичное для текста Библии Менделя парцеллированное представление частей (хотя оно возможно и у Лютера) заменяется их соединением в рамках единой сложной структуры. Все эти факторы, стабилизирующие модальную грамматическую семантику целостной конструкции, делают избыточным ее поддержку через обозначение эпистемической модальности лексическими средствами. И без включения МК конструкция достаточно отчетливо выражает эпистемическое значение

предположения (допущения) говорящим некоего положения вещей, степень уверенности в котором может быть установлена исходя из ситуативно-речевого контекста и смыслового соотношения таких построений с соседствующими высказываниями. Когда возникает необходимость подчеркнуть категоричность мнения говорящего о предполагаемых событиях, то соответствующий эпистемический смысл актуализируется через коррелятивное наречие *so* с суммирующе-обобщающим значением (примеры 4б и 4в), иногда в сопряжении с выделительно-ограничительной частицей *auch*.

Функционально противоположное по сравнению с *giuesso* воздействие на общий эпистемический смысл рассматриваемых синтаксических образований можно прогнозировать для МК *odouuivn* (возможно, вероятно). В силу своего лексического значения при включении в состав таких конструкций *odouuivn* поддерживает потенциально-предположительный смысл всей структуры. Поскольку предположения касаются конкретных описываемых событий, то сопутствующие им сомнения говорящего по поводу их осуществления не абсолютны, и он допускает возможность их реализации: *Es ist vielleicht so, dass auch P.* Этот ограничительно-выделительный смысл получает эксплицитное выражение через частицу *auch* и коррелятивное наречие *so* в текстах на последующих синхронных срезах. Например:

(5) *Thô antlingita ther heilant: noh ir mih ni uuzit noh mînan fater; oba ir mih uuestot, odouuân ir mînan fater uuesfît. Ih faru inti ir suohhet mih inti in iuuaru suntu arsterbet ir.* (Т., 131, 6: 241 = J. 8., 19–20) – Тогда ответил (фарисеям) Спаситель: «Вы не знаете ни меня, ни Отца моего; если бы вы знали меня, то, *вероятно*, вы *знали бы* Отца моего. Я ухожу и будете искать меня и умрете во грехе вашем. Ср. текстовые соответствия на последующих синхронных срезах немецкого языка:

(5a) *Ihesus antwurt. Noch mich enwist ir: noch mein vatter wist ir. Wann ob ir mich hett*

gewist: villeicht ir hett auch gewist mein vatter. (Mentel, 369); (5б) *Jhesus antwortet. Jr kennet weder mich noch meinen Vater. Wenn jr mich kennetet, so kennetet jr auch meinen Vater* (Luth., 110); (5в) *Jesus antwortete: Ihr kennt weder mich noch meinen Vater; wenn ihr mich kenntet, so kenntet ihr auch meinen Vater* (Nhd., 121).

(6) *Ni curet uuânen, thaz ih ruoge iuuuh mit temo fater; ist der iuuuh ruogit Moyses, in den ir gitrûuuêt. Oba ir giloubtît Moysi, odouuân giloubfît mir; uon mir scribe her* (Т., 88, 13: 180 = J., 5, 45–46) – Не думайте, что я буду обвинять вас перед Отцом моим; Моисей обвинит вас, на которого вы упоаете. Если бы вы верили Моисею, то, *вероятно*, *поверили бы* и мне; обо мне он писал.

Ср.: (6a) *Dorumb nichten woelt wenen das ich euch bin zebesagen bey dem vatter. Moyses ist der euch besagt: an den ir euch versacht. Wann ob ir glaubt moyses: villeicht ir gelaubt auch mir. Wann erselb schreib von mir* (Mentel, 355); (6б) *Jr solt nicht meinen, das ich euch fur dem Vater verklagen werde. Es ist einer, der euch verklaget, der Moses, auff welchen jr hoffet. Wenn jr Mosi gleubtet, so gleubtet jr auch mir. Denn er hat von mir geschrieben* (Luth., 106); (6в) *Ihr solt nicht meinen, dass ich euch vor dem Vater verklagen werde; es ist einer, der euch verklagt: Mose, auf den ihr hofft. Wenn ihr Mose glaubtet, so glaubtet ihr auch mir; denn er hat von mir geschrieben.*

В тексте Библии Ментеля потенциально-предположительный смысл обсуждаемых построений лексически поддерживается включением *villeicht*. В соответствующих текстовых фрагментах из Библии Лютера и из нововерхненемецкого текста эпистемические МК отсутствуют, они замещаются здесь функционально сопоставимыми средствами, выражающими уверенность говорящего в своем предположении: коррелятивным *so* и логической частицей *auch*, имеющей здесь не только выделительно-присоединительный смысл, но и имплицитно указывающей на наличие дополнительной альтернативы в развитии описываемой ситуации при заданных контекстом условиях.

В сходном грамматическом качестве такие элементы выделены и в «Евангелической гармонии» Отфрида (863–871 гг.; рейнскофранкский диалект). Их типичное функциональное применение в составе грамматических конструкций с предикатами-когнитивами может быть проиллюстрировано, среди прочего, текстовыми извлечениями, подобными следующим:

(7) *Uueiz ih thaz giwisso / thaz ih thes wirthig was ouch so* // (О., V, 13: 266) – Я знаю **точно**, что я был этого достоин; (8) *Las ih iu in alawar / in einen buachon (ich weiz war), // sie in sibbu joh in ahtu / sin Alexandres slahtu,...* // (О., I, 85: 13) – Я действительно собрал для вас в одной книге все вместе о том (я знаю **это точно**), что они (франки) по происхождению и по величю из рода Александра Великого; (9) ... (*giwisso wizun wir thaz / theiz sid war lichamo was*) // (О., V, 12,12: 236) – Мы **точно** знаем о том, где будет находиться тело его; (10) (*thaz wizun wir zi ware*) – (О., V, Hartm.127: 269) – мы **точно** знаем об этом; (11) «Druhtin», *quad si, «al ist iz so, / thaz wizzun wir giwisso; // alle man nintneinent / thaz thinu wort gimeinent.»* // (О., III, 10, 35: 117) – «Господи, – сказала она, – все именно так; это **знаем** мы **точно**, никто не может отрицать того, что подразумевают слова твои»; (12) *Wir wizun ana zwival / thaz er thes wialt ubar al* // – (О., V, 1, 7: 218) – Мы **точно** знаем, что он (Господь) всемогущ над всем.

Абсолютно доминирующий ментальный предикат обсуждаемых грамматических построений – когнитив *wizzan*, относимый в исторических грамматиках немецкого языка согласно морфологической классификации глагольных лексем к претерито-презентным глаголам 1-го ряда аблаута⁵. Как это явствует из данных выше примеров, чаще всего предикат *wizzan* употребляется в грамматических разрядах 1-го лица единственного или множественного числа настоящего времени, отсылающих к говорящему и моменту речи.

При подключении к предикату на положении факультативного элемента структу-

ры они образуют с ним тесное семантико-смысловое «сцепление». Это может быть подтверждено возможностью выделения из состава таких грамматических построений осмысленных сочетаний «глагол + компонент эпистемической семантики»: *giwisso wizzan, war wizzan, in giwis wizzan, ana zwival wizzan* и т. п. Семантическое взаимодействие лексем в составе таких словосочетаний характеризуется в определенной степени тавтологичностью, поскольку обе составляющие денотативно соотносены с одной и той же эпистемической сферой говорящего лица. Поэтому в отличие от других частотных в речи соединений «качественное обстоятельство + глагол» типа *ubarlut sprehhan (sehr laut sprechen)* или *suârlihho gihôran (schwerlich hören)* обстоятельственный компонент здесь денотативно нацелен не на раскрытие и уточнение предикативного признака, обозначенного глагольной лексемой, а берет на себя, скорее, функциональную нагрузку интенсификатора, градуирующего глагольный признак по степени его проявления.

Таким образом, выполнение некоторыми эпистемическими МК выделительно-акцентирующей функции на древних этапах развития немецкого языка опосредовано их эпистемическим значением, способностью обозначать когнитивные установки знания/мнения говорящего лица как результат логических рассуждений и авторизованных оценок сложившегося положения вещей. Выражение указанных модальных значений дискурсивно и коммуникативно связано, а их экспликация осложнена в контекстах речи дополнительными значениями уверенности/сомнения, проецирующими в разворачиваемый дискурс контакт говорящего с адресатом. Поэтому для обсуждаемых компонентов естественна соотносительность с коммуникативно-прагматическим аспектом высказывания. В сопряжении с предикатами эпистемического модуса МК не несут никакой релевантной информации и являются поэтому семантически избыточными. Дено-

тативная тавтологичность таких синтаксических образований формирует тот семантический фон, на котором у МК развивается экспрессивное значение и соответствующая ему грамматическая функция, подобная акцентировочно-выделительной функции некоторых служебных и полуслужебных слов-интенсификаторов.

Грамматическое развитие эпистемических МК в сторону их все большей прагматизации и приобретения ими на фоне семантического «обесценивания» в определенных речевых контекстах экспрессивно-выделительной функций проецируется на все высказывание в целом. Экспрессивно-прагматический потенциал таких высказываний значительно возрастает, поскольку они приобретают характер убеждающих заверений говорящего лица, обращенных к собеседнику.

Схематично намеченный здесь процесс эволюционирования МК отражает один из возможных путей диахронического развития этих грамматических форм в направлении все большей прагматизации и дискурсивизации. Этот процесс связан с приобретением языковой единицей, имеющей полноценное денотативное значение, дискурсивной (выражения логико-семантических связей между текстовыми составляющими) или прагматической (отражения отношений между коммуникантами, стратегий их взаимодействия друг на друга) функций.

Такая линия развития некоторых типов грамматических форм — прежде всего фор-

мирование так называемых дискурсивных слов (маркеров) — союзов и частиц — в составе грамматических конструкций и на фоне контекста активно обсуждается представителями современной теории грамматикализации и грамматики конструкций на материале разноструктурных языков в типологическом плане. Основные вехи диахронического развития дискурсивных компонентов, как известно, обобщаются в этой теории в виде канонической шкалы грамматикализации «Пропозициональное (> Текстовое) > Экспрессивное»⁶.

В статусный ряд приведенной шкалы грамматикализации вписываются и эволюционные изменения многих эпистемических МК в составе грамматических конструкций с *verba cognoscendi*, описывающих в языке денотативные ситуации мыслительной деятельности лица, и в составе сложных синтаксических построений с потенциально-предположительным значением. На фоне семантической тавтологичности эпистемического смысла, дублируемого предикатом мысли и МК, грамматической семантикой конструкции и МК, модальные элементы приобретают в ходе своего диахронического развития в большей степени экспрессивно-выделительные функции и замещаются в ряде случаев специализированными лексико-грамматическими средствами акцентирования (выделения и членения) — частицами и союзами. Это — один из возможных путей диахронической эволюции МК в немецком языке.

Сокращения

Is. — Der althochdeutsche Isidor. Nach der Pariser Handschrift und den Monseer Fragmenten / Hrsg. von Hans Eggers. Tübingen, 1964.

T. — Tatian: Lateinisch und althochdeutsch / Hrsg. von E. Sievers. Paderborn, 1872.

O. — Otfriids Evangelienbuch / Hrsg. von Oskar Erdmann. 6. Aufl. von Ludwig Wolff. Trübingen, 1973.

Mentel — Die erste deutsche Bibel. 1. Bd. (Evangelien) / Hrsg. von W. Kurrelmeyer. Tübingen, 1904.

Luth. — Die Bibel. Die ganze heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments in der deutschen Übersetzung von D. Martin Luther (nach der Luther-Bibel von 1545). 1. Aufl. Gütersloh, 1986.

Nhd. — Die Bibel / Hrsg. von der Evangelischen Kirche in Deutschland. Stuttgart, 1985.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сабанеева М. К.* Эпистемическая модальность высказывания в ракурсах прагматики и формальной логики // *Язык и речевая деятельность*. – 1999. – Т. 2. – С. 103–112.

² См. хотя бы в последних работах по историческому синтаксису немецкого языка, где в соответствующих разделах о наречиях и обстоятельственных членах предложения такие компоненты не приводятся: *Ebert R. P.* *Historische Syntax des Deutschen*. (Sammlung Metzler 167). – Stuttgart, Metzler, 1978. – S. 45–57; *Meineke E., Schwerdt J.* *Einführung in das Althochdeutsche*. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2001. – S. 251–258; *Schrodt R.* *Althochdeutsche Grammatik II: Syntax*. – Tübingen: Niemeyer, 2004. – S. 150–171.

³ *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка. – Л., 1962. – С. 106.

⁴ Все переводы на русский язык носят характер подстрочника и сделаны автором статьи.

⁵ *Braune W.* *Althochdeutsche Grammatik*. 8. Aufl. – Halle (Saale), 1955. – S. 331–332.

⁶ *Heine B.* *Grammaticalization* // *The handbook of historical linguistics* / Ed. by B. D. Joseph, R. D. Janda. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 586; *Traugott E. C.* *Constructions in grammaticalization* // *Ibid.* – P. 633; *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М., 2005. – С. 47; *Денисова Н. В.* Квзисочинение и прагматика открытых рядов (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007. – С. 63–67.